

На перемене в классе появился Лу Юйнин.

В отличие от своего брата, Юйана, он часто участвовал в престижных конкурсах и выставках, из-за чего то и дело пропускал занятия. Сегодня утром Лу Чжэнцин возил его в больницу на обследование. Накануне Юйнин самовольно сбежал из палаты, и теперь его лицо казалось болезненно-бледным, почти прозрачным, вызывая у любого невольное сострадание. Если бы не упрямая настойчивость младшего сына, отец ни за что не отпустил бы его сегодня на уроки.

Стоило юноше переступить порог кабинета, как одноклассники обступили его плотным кольцом, наперебой расспрашивая о самочувствии. Кто-то из девочек даже сбежал в школьный буфет за горячим молоком. Их класс вообще отличался редкой сплоченностью: большинство ребят учились вместе еще со средней школы, их связывала многолетняя крепкая дружба, и они всегда горой стояли друг за друга. Юйнин же, будучи самым младшим среди них, давно стал для всех любимым младшим братишкой, которого хотелось оберегать.

Теперь же, узнав, что вчера его экстренно госпитализировали, несколько девочек едва сдерживали слезы. Жалея любимца, они то и дело бросали в сторону Лу Юйана презрительные, полные желчи взгляды, не скупясь на едкие шпильки.

Послушно отпивая теплое молоко маленькими глотками, Юйнин попытался заступиться за брата:

— Я просто сам был неосторожен... Правда. Юйан здесь совсем ни при чем.

Он оправдывался робко, явно робея. Всё утро его терзал страх, что вчерашняя сцена в ресторане могла расстроить Лу Юйана. Мягкие кудри Юйкина, казалось, поблекли, отражая его подавленное настроение, а влажные глаза, напоминающие глаза испуганного олененка, то и дело виновато косились на брата. Мальчик наивно полагал, что делает это незаметно, однако каждое его движение и каждый робкий взгляд ловили те, кто искренне ему сопереживал.

Подобная покорность лишь подтверждала худшие догадки одноклассников. Всем вокруг стало очевидно: этот испуганный, забитый вид — результат постоянных издевательств со стороны новоявленного брата. Юйнин явно привык ходить перед ним на цыпочках, ежесекундно ловя чужую недовольную гримасу. Сердца сочувствующих ребят сжались от жалости и гнева.

Сосед Лу Юйана по парте наблюдал за происходящим издалека. Вид бледного Юйнина, который из последних сил пытался вымучить слабую улыбку, ранил его до глубины души. Глаза парня налились кровью, когда он повернулся к своему невозмутимому соседу.

«Какое право он имеет сидеть здесь с таким равнодушным видом? — задыхаясь от ярости, думал он. — Юйнин едва держится на ногах, но всё равно выгораживает его! Он же ангел, чистая душа!»

Его преданность Юйнину родилась не на пустом месте. Когда-то у него пропал младший брат,

и именно Юйнин вызвался помочь — он проискал ребенка всю ночь напролет под проливным дождем. Не вмешайся он тогда, мальчик мог бы погибнуть. С тех пор Юйнин стал для него не просто близким другом, а настоящим спасителем, путеводной звездой. И этот чистый свет он не позволит очернить никому.

По чистой случайности в тот роковой день после уроков он заметил, как Лу Юйан тайком пробирается в школьную каморку охраны, где стояли пульта видеонаблюдения. Полюбопытствовав, парень пошел следом и обнаружил факты, которых было более чем достаточно, чтобы стереть мерзавца в порошок.

Поначалу он колебался. Мальчишка с малых лет крутился среди уличного сброда и прекрасно знал сотни способов изощренной мести. Он давно вынашивал план, но не решался претворить его в жизнь, до смерти боясь могущественного клана Лу. Однако зрелище беззащитного Юйнина, вздрагивающего от малейшего шороха словно подстреленная птица, переполнило чашу терпения. Юйан должен заплатить. Заплатить сполна. В темных глазах парня блеснул недобрый огонек.

Сам же Лу Юйан даже не смотрел в их сторону. Он безучастно стоял в углу, овеянный привычным холодом. Спектакль повторялся из раза в раз: нелепые, слабые попытки Юйкина оправдать его приводили лишь к тому, что толпа проникалась к мученику еще большим сочувствием. Вся эта фальшивая добродетель служила лишь одной цели — тешить самолюбие самого «спасителя». На Юйана никто не обращал внимания, предоставив ему оставаться наедине со своими мыслями.

В этот момент к нему робко приблизилась староста класса. Девочка искусывала губы в кровь, не смея поднять на него глаз от стыда.

— Прости меня... — едва слышно пролепетала она.

Ей было невыносимо стыдно смотреть Лу Юйану в лицо. Девочка понимала, что ее молчание делает ее соучастницей тех, кто травил парня. Юйан спас ее от позора и насилия, а у нее не хватило духу выступить в его защиту и очистить его имя от гнусной клеветы.

Но пойти против всех она не могла. Каждую ночь ее преследовали кошмары, в которых за спиной раздавался ядовитый шепот сверстников. Одна лишь мысль о том, что правда выплывет наружу и пальцем будут тыкать уже в нее, лишала ее сна и воли.

Юноша перед ней всегда был неразговорчив и казался колючим, ошетинившимся глухой враждебностью — из тех, кого, кажется, невозможно задеть или обидеть. Но староста знала правду: за этой суровой броней скрывался подросток, которого школа давно лишила всякого сочувствия и справедливости.

— Ты ни в чем передо мной не виновата, — спокойно произнес Лу Юйан.

Он медленно поднял глаза, и под сенью длинных ресниц блеснула холодная янтарная глубина.

— Ты предала саму себя.

Он в любом случае прижал бы мерзавца Хуана к стене, вне зависимости от ее заступничества, и зла на девчонку не держал. Однако ее страусиная политика — малодушная попытка зарыть голову в песок и притвориться, будто ничего не произошло, — казалась ему фатальной ошибкой.

И все же он уважал ее выбор. Жизнь рядом с Ван Жу научила его горькой истине: к женщинам в этом мире всегда предъявляют куда более суровые требования, чем к мужчинам. Ван Жу избивали до полусмерти, но досужие соседи лишь плевали ей в спину, судачили, будто она сама напросилась — дескать, баба непутевая, крутит хвостом перед чужими мужиками. Ее клеймили никчемной за то, что не сумела родить здорового наследника и продолжить мужской род.

Лу Юйан достал телефон, отправил старосте зашифрованный видеофайл и коротко бросил:

— Сохрани его.

Девочка растерянно открыла файл, но едва взглянув на экран, оцепенела. Запись была сделана скрытой камерой под весьма специфическим углом. Объектив зафиксировал во всех гнусных подробностях, как этот подонок Хуан распускал руки и силой удерживал ее. Видео неопровержимо доказывало: учитель принуждал ее, Лу Юйан лишь случайно оказался рядом и спас бедняжку, после чего она в панике сбежала.

Если у Лу Юйана на руках козырь такой силы, почему он до сих пор не обнародовал его, чтобы обелить себя? Неужели он молчал всё это время лишь ради того, чтобы уберечь ее от позора? Растерянная, она подняла на него полные слез глаза.

Заметив ее смятение, Юйан истолковал его по-своему.

— Это единственная копия, — негромко пояснил он. — Теперь она у тебя. Больше об этой записи никто не знает, можешь спать спокойно.

В тот день, когда он проучил мерзавца, дирекция школы замяла дело, поскольку сам пострадавший преподаватель слезно умолял не поднимать шума. Понимая, в каком кошмаре мечется напуганная девочка, Юйан сразу же пробрался в каморку охраны и стер оригинал, предварительно скопировав запись.

В прошлой жизни он поступил точно так же: отдал ей запись, чтобы у нее всегда была защита на случай новых нападок со стороны похотливой твари. И сейчас он возвращал ей право решать собственную судьбу. Юйан не считал свое вынужденное молчание великой жертвой

или подвигом. Защищать тех, кто слабее, давно стало его неосознанной, глубоко укоренившейся потребностью.

Его так воспитали. Он помнил тихий мамин голос, шептавший, что он должен оберегать отца и старшего брата. Помнил наставления отца — всегда протягивать руку помощи слабым. И слова Ванбэя, обещавшего, что они вместе будут защищать маму. С самых ранних лет его готовили к роли защитника. И даже после того, как судьба разлучила его с семьей на долгие годы, это нехитрое правило осталось главным законом его жизни. И он следовал ему безукоризненно.

Оказавшись в лапах торговцев людьми, он закрывал собой других испуганных детей. Когда его приютила Ван Жу, он оберегал ее и маленького Лэлэ от пьяного отчима. Осев у старика Ли Юэфэна, заботился о его хрупком здоровье. Какая-то неведомая сила заставляла его грудью стоять за каждого, кто проявил к нему хотя бы каплю тепла. Он разбивался в кровь, защищая невинных и беззащитных, даже когда сам едва держался на ногах от ран.

Без лишних раздумий и корысти — просто потому, что считал это своим долгом. В его личном кодексе чести существовало лишь одно исключение. Лу Юйнин. Его он защитить не мог. И никогда бы не смог.

Ирония судьбы заключалась в том, что он из последних сил вырос именно таким, каким его мечтали видеть родители. Сильным, благородным, милосердным. Вот только они от него отказались.

Договорив, Юйан развернулся и зашагал прочь. Это был его последний день в тринадцатом классе. В прошлой жизни всё тянулось гораздо дольше: вопрос о переводе вызвал жестокий конфликт с Лу Чжэнцином, и они неделями не разговаривали. К тому моменту, когда Юйан вернулся к занятиям, мерзавец Хуан уже притих, испугавшись последствий. Видеозапись тогда тоже переключалась к старосте, но та предпочла похоронить компромат на дне своего ящика.

Тот невысказанный позор камнем висел у нее на душе, постепенно превращая некогда веселую девочку в замкнутую тень самой себя. На выпускных экзаменах она провалилась и в итоге уехала в какой-то захолустный вуз на другом конце страны, лишь бы сбежать от воспоминаний. Юйан же сразу после выпуска составил подробный донос на извращенца и отправил его по новому месту работы Хуана, а копию приказа об увольнении анонимно переслал несчастной девчонке. Сейчас он вновь оставлял выбор за ней.

Однако юноша не догадывался, что в этой жизни события уже потекли по иному, непредсказуемому руслу. На одном из популярных городских форумов появился анонимный пост. Сенсация разлеталась со скоростью лесного пожара, и за считанные часы тема возглавила список самых обсуждаемых новостей региона.

Школа гудела как потревоженный улей. Суть обвинений сводилась к следующему: избалованный сынок местных богачей завел тайную интрижку с одноклассницей. Когда их застукал молодой учитель-практикант, наглый мажор, желая заткнуть свидетелю рот, зверски избил его. А чуть позже устроил гнусную травлю сокурснику, который набрался смелости и

сообщил о случившемся руководству.

К публикации прилагалась целая галерея скриншотов с камер слежения. На кадрах отчетливо виднелась плачущая школьница в разорванной одежде, выбегающая из кустов; следом спешил парень, который вскоре вернулся с подмогой из учителей. Завершала подборку сцена, где зачинщика драки и помятого практиканта выводят под конвоем с пустыря за школьным стадионом. Лицо парня, приведшего помощь, было заботливо размыто, а вот остальные участники скандала предстали перед публикой без всяких прикрас и цензуры.

Слухи вокруг Лу Юйана и так будоражили школу не первую неделю, поэтому опознать главного героя не составило труда. Ученики Цзиньань мгновенно расшифровали личности на снимках. Невозмутимый вид Юйана окончательно укрепил всех во мнении: перед ними типичный оборзевший мажор. В конце концов, влиятельное семейство Лу держало в руках половину Южного города.

История о том, как зажавшийся барчук безнаказанно измывается над бесправным учителем, взорвала общественное мнение. Масла в огонь подлили комментарии «очевидцев». Самым популярным отзывом под записью, набравшим тысячи лайков, стала анонимка от кого-то из их параллели:

«Вообще не удивлен выходкам ЛЮА. Кто в теме, те знают — он обычный гопник с золотой ложкой во рту. Бедный ИН, этот урод его жизни лишает, смотреть больно. Сваливаю из комментариев анонимно, а то еще найдет и закопает».

Быстро пробежав глазами текст, Лу Юйан даже не подумал о собственной репутации. Его сердце пропустило удар. Хмурясь, он медленно повернул голову к старосте.

Снимки были сделаны со старой, всеми забытой камеры на углу корпуса. В тот день Юйан вычистил жесткие диски со всех основных точек, но он не знал, каким путем убегала перепуганная девочка, и упустил этот слепой сектор. Сквозь ядовитый шепот, поднимающийся в классе, он увидел, как лицо старосты стремительно теряет краски, становясь мертвенно-серым. Ей грозила катастрофа.

<http://bllate.org/book/19801/1988534>